

функционально-смысловых линий. Тем не менее, она демонстрирует своеобразие, сложность взаимоотношений украинских и русских десемантизированных глаголов (дериваторов) и, следовательно, сложившуюся в результате исторического развития современную функциональную и семантическую неравноценность типовых групп неоднословных наименований действия – вербоидов.

Необходимым подспорьем в основательном решении теоретических и практических проблем коммуникативных эквивалентов глагола является создание различных лексикографических трудов: одноязычных, двуязычных и трехязычных восточнославянских словарей вербоидов, составление перечня типовых деривационных групп вербоидов в каждом языке, работ, освещающих место этих неоднословных единиц в словообразовательном гнезде, в толковых словарях, и т. д.

<sup>1</sup> Словарь синонимов русского языка. В 2-х тт. Т. 1. Л., 1970. — С. 276.

<sup>2</sup> Там же Т.2. — С. 456.

<sup>3</sup> Там же, с. 456

<sup>4</sup> Там же, с. 80

<sup>5</sup> Там же, с. 80

<sup>6</sup> Там же, с. 462.

<sup>7</sup> Там же, с. 462.

<sup>8</sup> Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти тт. Т. 17. М.-Л., 1965. — С. 1032-1033.

<sup>9</sup> Словник української мови. В 11-ти тт. Т. 11. Київ, 1980. — С. 325-326.

*Т.Г.Трофимович (Минск)*

## **КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ НАРОДА И ЯВЛЕНИЯ МОТИВАЦИИ СЛОВА**

В рамках оформившейся в современном языкознании антропоцентрической научной парадигмы особое значение приобретает ориентация на познание языка в тесной связи с мышлением, историей, культурой народа. Культурно-исторический опыт социума влияет на развитие языка, как правило, опосредованно. Применительно к системе языковой номинации есть смысл говорить о более непосредственном воздействии. Синхронный срез номинативных средств позволяет выделить среди них первичные, усвоенные членами социума, и вторичные – заимствованные или производные. Если мотивированность первичных может быть установлена только этимологическим анализом, то обусловленность производных наименований определяется с высокой степенью вероятности на синхронном уровне. Понимание того, почему предмет, явление и т. п. получили именно такое название, дает возможность проследить механизм возникновения наименования, раскрыть сущность номинативной деятельности человека.

Порождение новой номинативной единицы является результатом коммуникативного запроса, который активизирует разные участки вербального пространства (В.В. Волков). Очевидно, что образование наименования может активизировать не один, а несколько участков этого пространства.

Утверждать, что конкретное слово прошло именно такой, а не иной путь, значит примитивизировать, если не исказить процесс порождения наименования (Е.С. Кубрякова). Следовательно, культурно-исторический опыт народа, выражающийся и в уровне развития языка, и в языковой компетентности его носителей, играет в процессе номинации заметную роль.

Наши наблюдения над производными названиями лиц, отразившимися в языке старорусской и старобелорусской деловой письменности, дают основания утверждать, что многим из них свойственна множественность мотивации. Сделать объективные выводы об этом позволяет учет многих факторов. К наиболее значимым из них относятся следующие: контекст, устойчивые словосочетания, конверсивные номинации и лексическая избыточность.

Известно, что контекст, в котором употребляется номинативная единица, фиксирует естественный акт номинации (А.А. Уфимцева). Пристальное внимание к контексту дает возможность с высокой степенью вероятности определить характер мотивации.

Так, среди старорусских названий лиц с суффиксом *-чик-, -щик* — выделяется значительная группа единиц, которые одновременно могут быть мотивированы названием действия, совершаемого лицом, (глаголом) и именем по этому действию, девербативом (именем существительным). Кто такой *перевозчик*? Тот, кто *перевозит*, или тот, кто совершает *перевоз*? Аналогичные вопросы вызывают наименования *заговорщик, закупщик, заимщик, караульщик, наборщик, отказчик, обманщик, откупщик, обыщик, перевозчик, переплетчик, приказчик, сборщик* и многие другие.

В текстах памятников письменности находим подтверждение наших предположений о существовании мотивационного «действие/имя по действию – агенс». Ср.: *И наймит будет бить челом и доведет ино тот суд не в суд, наемного доводчика казнити смертью* ЗА, 42; *А они сами на Москве ответчики сами за себя отвечают* Пам. Влад., 261 об. *По дозором разных дозорщиков ... убыло ПРК, 49. А будет по мытом мытчики, и по перевозом перевозщики...* Ул. 1649, IX, 2. Обе мотивации существовали в сознании носителей языка и не могли не влиять на характер конкретной, делая ее множественной. Это фиксируют тексты: *А кто на кого учнет извещати государво великое дело или измену, а того, на кого он то дело извещает, в то время в лицах не будет, и того, на кого извет будет, сыскати и поставити с изветчиком с очей на очи* Ул. 1649, XVII, 40.

Многочисленные старорусские и старобелорусские названия лиц с формантом *-ник-* допускают как минимум двойственную мотивацию: *работник* — тот, кто *работает*, или — *работный человек*. Наличие в обоих языках большого количества устойчивых словосочетаний с компонентом *человек/люди* позволяет считать в качестве возможного пути возникновения названий такого типа семантическую конденсацию. Так, текст Уложения 1649 года содержит 84 однотипных двусловных наименования со словом *люди (человек)*, а только одна часть Литовской метрики (ЛМ-8) — около 70 подобных единиц. Старорусские *люди беглые, дозорные, докладные, должные, закладные, оброчные, оп-*

*ричные, ослушнные, работные и т. д. и соответственно: беглец, дозорщик, закладчик, оброчник, опричник, ослушник, роботник, ратник, должник и т. д.* Контексты подтверждают двойственность мотивации. В старобелорусских памятниках читаем, например: *И данники з данью медовою... АЗР, I, 57. Которая же таа дань ... из оных данников брана быти маеть.* АВК, XIV, II. *Люди его данные здавна на костель дань дають.* КСД, 370.

Атрибутивную мотивацию названий с -ник — можно допустить и тогда, когда в языке существует конверсивное наименование. Возможно следующее: старобелорусские *гуменник гуменный - сторож гуменный* (ГБСМ, 7, 195), *духовник духовный - отец духовный* (ГБСМ, 9, 107-109), *коморник - коморный - сторож коморный* (ГБСМ, 15, 247).

Множественность мотивации в номинативных процессах, равно как и существование аффиксов, приводила к оформлению в старорусском и старобелорусском языках лексической избыточности, т. е. XI – XVII вв. фиксирует: *боровник боровцик* (1,295), *захарь - знатец* (6, 49, 52), *посол посланник послатай посольник* (17, 205, 174, 173), *наимцик - наипит* (10, 105, 103), *половник - половицик польцик* (16, 233, 287), *лазутчик лазутник* (8, 164, 163) и др. Лексическая избыточность может помочь определению мотивационного пространства. Так, старобелорусские *винник, винар, вишяр* 'винодел', 'торговец вином' (ГБСМ, 2, 94) свидетельствуют в пользу связи наименования *вишник* с объектом деятельности лица, а не с атрибутивной характеристикой его дела. Старорусские *мытник, мытчиць, мытоцмець, мытовциць, мытарь* (СлРЯ XI-XVII вв., 9, 335-338) склоняют рассуждения в сторону *мытник ← мыто*, а не *мытник ← мытный человек*.

Предпочтение тому или иному пути возникновения наименования можно отдать только в том случае, если проведен глубокий анализ использования слова в контексте, количества и характера устойчивых словосочетаний, связанных с этим названием, лексической избыточности и других факторов. Например, старобелорусское *ключник* – лицо, которому поручены ключи и которое имеет право распоряжаться во дворе или усадьбе (ГБСМ, 15, 128). Исходя из наших предыдущих рассуждений, это название может быть мотивировано словами *ключ* (тот, кто владеет ключом) и *ключный* (ключный человек, сторож). Таковую мотивацию допускает старорусский материал с бытовавшим *страж ключный* (СлРЯ XI-XVII вв., 7, 187). В старобелорусском языке даже прилагательного *ключный* не отмечено, однако использовался фразеологизм *в ключах быти* 'быть в должности ключника' (ГБСМ, 15, 130). Отсюда следует, что старобелорусское *ключник* или мотивировано словом *ключ*, или вообще унаследовано из древнерусского языка (Кочин, 143).

Производное наименование – явление сложное и многостороннее. Лингвистика не претендует ответить на вопрос, почему тот или иной признак лег в основу названия: это дело психологии и психофизиологии. Направление же и характер поисков мотивов номинации в вербальном пространстве лингвистика может и должна объяснять. Множественность номинативной мотивации, на

наш взгляд, свидетельствует о большой роли культурно-исторического опыта носителей языка в процессе их номинативной деятельности, а также о непосредственной связи этого опыта с языковой номинацией.

*Л.И.Харченкова, Ю.А.Шашков (Санкт-Петербург)*

## ЗООНИМЫ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ РАЗНЫХ КУЛЬТУР

В докладе авторы рассматривают зоонимы, являющиеся маркерами двух национальных культур – русской (**медведь**) и испанской (**toro** – **бык**).

Известно, что у представителей той или иной лингвокультурной общности определенная реалия или слово может вызывать какой-то комплекс ассоциаций, эмоций, («приращений смысла»), по Б.А. Ларину, т. е. коннотаций. Термин «коннотация» используется достаточно широко, поэтому в рамках проблемы взаимосвязи языка и культуры мы, вслед за Л.Т. Микулиной, будем использовать термин «культурная коннотация», под которым понимается «социальная и эмоциональная значимость языкового знака в рамках данной культуры»<sup>1</sup>. Социальная значимость в этом случае трактуется как функция соответствующей реалии в языковом коллективе, ее социальная роль, а также значение и понимание этой функции и роли членами данного социума. Под эмоциональной значимостью имеется в виду эмоциональное восприятие знака (реалии) в национальной культуре, т. е. те эмоционально-эстетические ассоциации, которые сопровождают слово в данной лингвокультурной общности.

Итак, с точки зрения социальной природы коннотаций, речь идет прежде всего о наличии определенных стереотипов у носителей конкретного языка. Об этом же несколько по-иному говорит В.Н. Телия, выделяя при характеристике оценочно-экспрессивной метафоры вспомогательный комплекс: «... образно-ассоциативные черты некоторого квазистереотипа, т. е. представления, имеющего в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторого свойства...»<sup>2</sup>.

**Медведь** в русской лингвокультурной общности – это представление о крупном хищном животном, о силе, мощи, больших размерах. Отсюда сравнения: *сильный, здоровый как медведь* (о сильном, физически здоровом мужчине); *сила как у медведя; медвежья сила*. Именно эта коннотация актуализирована в рассказе А.П. Чехова «Попрыгунья», когда героиня говорит о Дымове: *Не правда ли, в нем есть что-то сильное, могучее, медвежье?* В переносном смысле слово используется для характеристики неуклюжего, неповоротливого человека (сравнение: *неуклюжий, неповоротливый как медведь*). И здесь возникают ассоциации с гоголевским Собакевичем, с его постоянной привычкой наступать на ноги.

Аналогично выглядит **toro** (**бык**) для испанца – 1) как символ силы, мужества (второе значение слова **toro** в словаре – 'силач, богатырь'); 2) как эталон неуклюжести и даже грубости: выражение *como los toros* означает 'грубо, по-хамски'; *ahí va el toro* – 'ну, медведь! Увалень! Невежа!'. Сравне-